

ЧИТАЙТЕ
романтические истории
ДЖЕНИ РИН

ДВЕ ЖИЗНИ
ИЗАБЕЛЬ

СТО ЯРДОВ
МЕЖДУ НАМИ

ДЖЕНИ РИН

СТО ЯРДОВ

Между нами

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р51

Редактор серии *Алина Литвинова*
Оформление серии *Янины Клыга*
Иллюстрация на переплете *Таисии Шарабьевой*

Рин, Джени.

Р51 Сто ярдов между нами: роман / Джени Рин. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231710-1

Поступление в университет Лос-Анджелеса становится для Эмили Сандерс билетом в новую жизнь. Теперь она — капитан команды поддержки «Спаркс». Большой город и жесткие правила кампуса заставляют Эмилию быстро учиться и отстаивать свое место, но настоящим испытанием оказывается противостояние с Сидни Гроуп — властной чирлидершей и девушкой загадочного капитана футбольной сборной Дэмиана Грина.

Эмилия предпочла бы держаться от него подальше, но одна случайность меняет привычные правила игры. Напряжение перерастает в конфликты, конфликты — в откровения, а взаимная неприязнь — в притяжение опаснее любого соперничества...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рин Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231710-1

- Lana Del Rey — Young and Beautiful
Arctic Monkeys — Why'd You Only Call Me When You're High?
Halsey — Without Me
Lewis Capaldi — Someone You Loved
Sasha Alex Sloan — Dancing With Your Ghost
The Weeknd — Call Out My Name
Seth Sentry — Simple Game
Fall Out Boy — Centuries
Imagine Dragons — Believer
Samuel Martin — It's Gonna Get Better
OneRepublic — I Lived

Как же тяжело перестраивать свою жизнь, когда переезжаешь в новый, совершенно незнакомый город. В Лос-Анджелесе все по-другому, не как в Реддинге, откуда я родом. Маленький городок в округе Шаста никогда не славился шумом машин, потоком людей на улицах и развлечениями. Там все всегда было тихо и спокойно. Идеальное место для тех, кто не любит суету.

Первое время я чувствовала себя потерянной. Огромные магистрали, переливающиеся огнями небоскребы, толпы людей, спешащих по своим делам, — все это казалось хаотичным и пугающим. В Реддинге я знала каждый уголок, каждого человека, а здесь была лишь маленькой песчинкой в огромном океане.

Я скучала по безмятежным вечерам на крыльце дома, по запаху сосен и свежескошенной травы. В Лос-Анджелесе воздух был пропитан бензином и выхлопными газами, а вместо звезд в небе сияли рекламные огни.

Я не была «своей» в этом городе. Ни два года назад, когда впервые ступила на его раскаленный асфальт, ни сейчас, когда уже выучила названия всех окрестных улиц и перестала вздрагивать от воя сирен по ночам.

Я просто приспособливалась. Научилась не выделяться, сливаться с толпой, носить правильную одежду и улыбаться нужным людям. Вела себя так, как любящая другая двадцатилетняя девушка с мечтами и амбициями.

Ходила в уютные кафе на окраине — те, где пахнет свежей выпечкой и корицей, где бариста запоминает твой заказ и спрашивает, как прошел день. Сидела там с чашкой остывающего латте, листая ленту новостей, и ощущала себя почти нормальной. Почти своей.

Читала книги в парках с пышной зеленью — там, где дети визжат на детских площадках, где влюбленные парочки целуются на скамейках, где пенсионеры кормят голубей и обсуждают погоду. Я находила укромный уголок под раскидистым дубом, садилась на траву и пыталась спрятаться в чужих историях, потому что своя собственная была невыносимой.

Лос-Анджелес простирался вокруг — огромный, шумный, сверкающий огнями. Город возможностей, где каждый может найти свое место. Я читала это на рекламных щитах, слышала в песнях по радио, видела в глазах приезжих, с трепетом смотревших на небоскребы.

Только вот мне места здесь не было.

Я все еще тосковала по Реддингу, но в университете Южной Калифорнии меня окружали те, кто не давал погрузиться в депрессию с головой. Девчонки из «Спаркс». Они врываются в мою жизнь с громким смехом, бесконечными разговорами, сплетнями и планами на выходные. Тащили меня на вечеринки, показывали смешные видео, спрашивали совета по макияжу. Они не знали, что иногда, по ночам я сидела на подоконнике и смотрела на светлячков, кружащих вокруг фонаря. Но бессонница была ни при чем. Одиночество — вот причина всех бед и меланхолии.

Но я не имела права быть слабой.

Эта мысль вбивалась в сознание каждое утро, стоило только открыть глаза. Я не могла раскисать, прятаться в раковину, позволить себе роскошь быть просто растерянной девушкой, скупающей по дому. Я вела за собой команду. Они ждали, что я укажу направление, подставлю плечо в трудную минуту, вытащу, если что-то пойдет не так. Капитан никогда не падает духом. Он поднимает других, даже если у самого подкашиваются ноги.

Поэтому я собирала волю в кулак. Вставала по будильнику, даже когда хотелось зарыться лицом в подушку и не вылезать из кровати до обеда. Улыбалась на тренировках, когда внутри все сжималось от липкого, противного чувства, что я здесь чужая. Кричала громче всех на играх, заряжая девчонок энергией. Мотивировала их двигаться вперед, когда единственное, чего хотелось, — забиться в угол и тихо скулить от усталости и тоски.

Такова цена капитанского места.

Еще в школьные годы я была капитаном местной группы поддержки, поэтому, когда поступила в университет, меня сразу же взяли в команду «Спаркс». Вначале было тяжело найти общий язык с чирлидерами. Все они казались мне высокомерными выскочками, гоняющимися за ведущими игроками футбольной команды «Грин Хорнетс». Но со временем я поняла, что не обращать внимания на этих накачанных здоровяков просто невозможно. Они пленяли своей уверенностью, завораживали улыбками и вызывали необъяснимую дрожь в теле от одного случайно брошенного взгляда.

Если я и была когда-то влюблена, то стерла это из своей биографии. В школе на это совершенно не оставалось времени. Учеба и тренировки выжимали из меня все соки, и, возвращаясь домой, я только и делала, что занималась уроками и придумывала новые связки для будущих танцев. Мама всегда говорила, что мне суждено стать капитаном «Спаркс». Она не переставала поддерживать меня даже тогда, когда хотелось все бросить и забыть о легендарной команде. Это было наследное место. Когда-то оно принадлежало маме и должно было достаться мне. Только по этой причине я тренировалась круглыми сутками, стремясь добиться идеальной формы.

Как наследную капитаншу, меня сразу заселили в большой дом сестринства. Здесь жила вся наша дружная, но местами стервозная команда. Как бы каждая из нас ни была верна своему делу, никто не

хотел становиться аутсайдером. Кто-то хвастался богатыми родителями, кто-то — сногшибательным бойфрендом, а кто-то — своим статусом в команде (да-да, это обо мне). Я не выскочка, но когда одна из заноз в моей заднице начинала претендовать на место лидера, приходилось спускать ее с небес на землю своим наследным титулом. Так уж было заведено в нашем университете: если кто-то в семье был из «Спаркс», ты автоматически становился членом команды. Ну а в моем случае передалось не просто членство, а капитанство.

Наша с Сидни Групп вражда порой переходила в открытую войну. Она невзлюбила меня с первого дня пребывания в сестринстве. Девушка уже училась на втором курсе и была капитаном команды, но тут появилась я, принеся с собой зерно смуты и раздора. Ее идеальный кукольный домик рухнул, привалив тяжелыми стенами авторитет и популярность среди студентов. Но все же кое-что у Сидни осталось, а точнее, кое-кто: звезда университета, любимчик всех преподавателей, потомок первого капитана команды «Грин Хорнетс» и самый красивый парень кампуса — Дэммиан Грин.

Этот парень пугал меня. Не потому, что он делал что-то угрожающее. Просто само его присутствие давило. В свои двадцать два Дэммиан Грин был уже не просто парнем, а скалой, монолитом, возвышающимся над толпой.

Шесть футов три дюйма чистого напряжения. Я выяснила это случайно, когда пробежала мимо

спортзала и на пару секунд задержалась возле раздевалки, где футболисты, как маленькие дети, стояли у стены, делали карандашом пометки и, смеясь, спорили, кто выше. Дэмиан выиграл, очевидно. Для меня, с моими пятью футами и четырьмя дюймами, это была целая пропасть. Он смотрел на всех сверху вниз, как в прямом, так и в переносном смысле. И этот холодный, изучающий взгляд пронзал тебя насквозь. Парень будто заранее знал, что ты скажешь, чему рассмеешься, из-за чего расстроишься.

Сам он никогда не улыбался, и какое-то время я вообще сомневалась, что его лицевые мышцы способны на подобную мимику. Максимум — кривая усмешка, когда кто-то из команды отпускал тупую шутку. И все. Остальное время — маска. Непроницаемая, ледяная, безучастная.

Но особо смелым девушкам в кампусе было плевать на его характер. Они смотрели на Дэмиана так, будто он был последним куском пиццы на вечеринке, за который нужно драться.

А Сидни? Эта девчонка вцепилась в него мертвой хваткой бульдога, нашедшего самую вкусную кость в округе и готового разорвать любого, кто приблизится. Она везде таскалась за ним, висла на его руке, сверлила взглядом каждую, кто осмеливалась подойти ближе, чем на десять футов.

«Только попробуй отбить», — говорил каждый ее жест. «Он мой. Отвалите».

Они встречались еще со школы — почти пять лет. И, по моим подсчетам, их любовь пережила пятнадцат

цать громких расставаний. Без шуток. Пятнадцать раз они объявляли всему кампусу, что все кончено, а через неделю снова терлись друг о друга на вечеринках, как два наэлектризованных шарика.

И эти расставания... *Боже*. Сидни устраивала настоящие представления. Ее истеричные вопли разносились по всему студенческому городку — я слышала их даже сквозь закрытые окна нашей гостиной. Она могла швырять вещи и хлопать дверьми так, что дребезжали стекла. А Дэмиан стоял и смотрел на нее с тем же невозмутимым выражением лица, с каким рассматривал тактическую доску перед игрой (да, это я тоже замечала, случайно проходя мимо). Будто перед ним была не его девушка в истерике, а просто очередная задача, требующая минимального участия.

Зачем они были вместе? Для кого этот цирк?

Ответ был только один: статус.

Самая популярная пара университета Южной Калифорнии. Король и королева выпускного. Золотые мальчик и девочка. На них равнялись. Им завидовали. Он — звезда футбола, наследник династии. Она — бывший капитан группы поддержки, дочь прокурора, красотка с обложки. Идеальная картинка для социальных сетей.

Но любовь? Нет. Ни за что не поверю.

Любовь — это не истерика на парковке. Она не пахнет фальшью, когда они целуются на глазах у толпы. Когда любят, то не смотрят на партнера глазами, в которых нет ни искры, ни тепла, да ни черта там нет.

А еще больше я не верила, что Дэмиан Грин вообще способен кого-то любить.

Такие, как он, просто существуют. Функционируют. Играют в футбол, терпят назойливую девушку, пожидают плоды своей популярности. Но любить? Открыться? Позволить кому-то заглянуть за эту непроницаемую стену высотой в шесть футов три дюйма?

Никогда.

Несмотря на мои предвзятые суждения о капитане футбольной команды, я не могла отрицать его магнетическое влияние. Во время совместных тренировок, когда «Спаркс» и «Грин Хорнетс» занимались на соседних половинах поля, я ловила себя на том, что слежу за ним. Не специально. Просто глаза сами выхватывали его из общей массы — широкие плечи, обтянутые влажной от пота футболкой, резкие, уверенные движения, сосредоточенный прищур. Он двигался иначе, чем остальные. Не суетливо, не хаотично, а с какой-то хищной, текучей грацией, от которой внутри все сжималось в тугий узел.

Я злилась на себя. Убеждала, что это просто профессиональный интерес. Что я, как капитан, обязана знать своих «союзников» на поле. Что это ничего не значит. И сейчас, на большом стадионе университета, где через пару часов должна была начаться игра между «Грин Хорнетс» и «Буллс» из Сан-Диего, я снова боролась с этим дурацким, неконтролируемым притяжением.

Осеннее солнце заливало стадион, придавая зелени поля изумрудный оттенок. Тело охватыва-

ла дрожь предвкушения: совсем скоро нашей команде предстояло выступить на большом стадионе. Почему-то со мной всегда было так, будь то домашние соревнования или выездные, я нервничала как в первый раз, но никогда не показывала этого девчонкам. Как бы мне ни было страшно, команда не должна этого видеть, а тем более Сидни, которая только и ждала моего промаха.

Все время, пока мы репетировали, я неосознанно бросала взгляды на ребят, а если быть откровенной, на Дэмиана. Меня восхищало то, насколько он был собран. Парень не кричал, не размахивал руками, не брался за голову, когда Кевин Браун отдавал мяч не тому игроку. Мне хотелось стать похожей на него, хоть я совсем его не знала. Это может показаться странным, но мы никогда с ним не общались. Да и вообще, я старалась держаться подальше от футболистов. Не смотреть в их сторону. Не реагировать, когда они проходят мимо, оставляя за собой шлейф пота, тестостерона и той особенной, наглой уверенности, свойственной только парням, привыкшим, что весь мир крутится вокруг них. Отворачиваться, когда они стягивают с себя футболки после тренировки, и делать вид, что меня совершенно не волнуют эти рельефные мышцы, широкие спины, бицепсы. Разум всегда включался быстрее, сигнала: «Не смей! Вспомни, что произошло три года назад!»

Это всегда работало. Потому что я знала, что у них на уме. Секс. Только секс. Очередное завоева-